

4.1. Как известно, были высказаны две точки зрения на то, одно временно или нет происходит переход *e* в *o* после исконно мягких согласных и после согласных вторичного смягчения.

И. В. Ягич, А. А. Шахматов, Н. Н. Дурново, А. П. Якубинский считали, что переход *e* в *o* после исконно мягких согласных предшествовал такому переходу после согласных вторичного смягчения. Основные доказательства этого — наличие примеров в памятниках, отражающих произношение *o* на месте *e*: после шипящих такие примеры встречаются начиная с конца XII в., тогда как после согласных вторичного смягчения подобные примеры для этой эпохи почти неизвестны, а известные примеры можно считать описками. Кроме того, в современном украинском языке *o* на месте *e* выступает только после исконно мягких [см. Ягич 1889, с. 37; Шахматов 1893, с. 5, 8—9; 1903а с. 97—98; 1915а, с. 8—9; Дурново 1924, с. 168—169; Якубинский 1953, с. 150—151].

А. И. Соболевский, А. М. Селищев, С. В. Вернштейн, П. С. Кузнецов считают, что для такого разграничения во времени перехода *e* в *o* после исконно мягких согласных и после согласных вторичного смягчения нет достаточных оснований. Отсутствие в памятниках примеров с буквой *o* на месте *e*, в после согласных вторичного смягчения можно объяснить не тем, что в этой позиции не было перехода *e* в *o*, а тем, что в древнерусской графике не было средств передачи *o* после парных мягких согласных [см. Соболевский 1907, с. 61; Селищев 1968, с. 192; Вернштейн 1961, с. 278; Борковский, Кузнецов 1965, с. 131—132].

Данные говоря с Кожухова можно рассматривать как подтверждение первой точки зрения. Как указывалось, после этимологических *j*, *ч* и после так называемых согласных вторичного смягчения здесь произносятся, как правило, разные звуки: в первом случае [o], во втором — дифтонг или дифтонгоид типа [eo, eõ].

Примеры с [o] после этимологического *j*, видимо, не следует учитывать, так как на месте *j* здесь обычно произносятся [й], а О. Брок указывал также и на [ε] [с. 67], следовательно, если бы на месте *o* произносился дифтонг или дифтонгоид типа [eo, eõ], то его первая часть слилась бы со звуком, выступающим на месте *j*.

Однако примеры с [o] после звуков, выступающих на месте *ч* (часто это [ч'], так как в говоре мягкое поканье, но также и звуки типа [д'ч', ц'ч', ч'ч']), вполне показательны.

Можно считать, что переход *e* в *o* после *ч'* произошел раньше, чем после согласных вторичного смягчения, поэтому мы находим в этой по-

зиции уже только результират этого перехода — звук [o]. После же согласных вторичного смягчения можно наблюдать сам процесс такого перехода. Многообразие звуков в этой позиции как раз и свидетельствует о незавершенности перехода.

4.2. Говор с Кожухова впервые в русской диалектологии позволяет, так сказать, воочию увидеть процесс перехода *e* в *o*. И это дает возможность сделать еще одно наблюдение.

Ученые, реконструировавшие переход *e* в *o*, представляли его себе следующим образом. А. А. Шахматов писал: «В общерусском языке перед *e*, как и перед другими гласными переднего ряда, смягчались все вообще согласные. Это *e* перешло в *õ* в положении перед следующими твердыми согласными (...). В великорусском наречии *õ* с течением времени изменилось в *o*» [Шахматов 1941, с. 114]. А. И. Томсон считал, что «при переходе *e* в *o* (*верезу*) первопринципной индивидуального изменения могло быть перенесение дабильзации от последующего твердого дабильзованного согласного (органическое индивидуальное изменение). Несколько дабильзовавшееся *e* имеет более низкий собственный шум резонатора — характерный шум гласного. Перенимающие дсти могли производить почти тот же звук с несметным различием в тембре посредством более заднего подъема языка и без дабильзации (изменение при перенятии). При дальнейшем стремлении дабильзовать, собственный звук этого нового гласного также понижался бы и мог у перенимающих снова вызвать еще более заднее положение языка, пока, наконец, в течение нескольких поколений, подъем языка оказался у мягкого неба и при нем опять дабильзация, так что этот звук совпал с *õ*» [Томсон 1910, с. 258—259].

Таким образом, и А. А. Шахматов, и А. И. Томсон предположили постепенный переход от *e* к *o* путем ряда промежуточных звуков-монотонгов. Говор с Кожухова дает иную картину перехода.

Сопоставляя примеры с ударными гласными, воплощающими фонемы (а, о, у), можно обнаружить одну особенность. Гласные верхнего и нижнего подъема в говоре всегда сохраняют элемент [y] в первом слухового среднего подъема. Здесь можно обнаружить ряд звуков, крайними точками которого выступают [e] и [o], между ними дифтонги и дифтонгоиды типа [eo, eõ, eõ, eõ, eõ]. Звуки, «промежуточные» между [e] и [o], представляют собой дифтонг или дифтонгоид, в котором сочетаются [e]

и [o], т. е. обе фазы перехода, начальная и конечная⁸³. Последовательными степенями этого перехода можно считать следующие: [e > e^o > e^o > e^o > e^o > e^o > o]. Степень продвинутости этого [o] вперед может быть различной: это могут быть и [o], и [o], и [o], что отчасти связано со степенью мягкости окружающих согласных.

Сейчас в говоре с. Кожухова переход *e* в *o* после мягких и полумягких согласных — живой процесс. Один и тот же человек может произнести в одном и том же слове любой звук цепочки от [e] до [o]. Однако такая возможность существует не для всех морфов.

Известно, что фонетическое изменение не сразу после своего возникновения охватывает все слова, где есть условия для такого изменения. Вначале фонетическое изменение проникает в одну группу морфов, затем в другую, пока, наконец, уже не остается материала для изменения: оно охватило все морфы, где раньше имелся для этого условия. В силу такой «неравномерности фонетического развития» создаются условия для лексикализации или морфологизации фонетического явления, когда изменение захватывает или, наоборот, не захватывает часть морфов, корневых или аффиксальных.

Такую морфологизацию можно увидеть и в процессе перехода *e* в *o* в говоре с. Кожухова. Произношение всех звуков цепочки от *e* до *o* наблюдается, главным образом, в личных окончаниях глаголов: *несет*, *идет*, *едит*, *идет*, *идет*, *идет*, *идет*. В других морфах ступень [e] отмечается очень редко: ср.: *днем*, *на великах*, *фисе*, *поброськом*, *мидельт*.

Отсутствие перехода *e* в *o* только в глагольных окончаниях отмечено во многих русских говорах, южнорусских и севернорусских. Но неизвестным для нас причинам в этих говорах процесс перехода *e* в *o* останавливается, не охватывая эти морфы. Какие-то, вероятно, аналогичные причины существовали и в кожуховском говоре, в силу чего переход *e* в *o* в глагольных окончаниях затонул сильнее, чем в других морфах. Однако в кожуховском говоре, в отличие от других указанных говоров, этот процесс не останавливается, продолжается, захватывая и глагольные окончания.

В связи со сказанным нельзя согласиться с тем, что пишет А. Р. Зиндер о переходе *e* в *o* в русском языке. А. Р. Зиндер считает, что этот пе-

⁸³ В качестве другого примера совмещения обеих фаз перехода от одного звука к другому могу привести слышанную мною на юге Рязанской обл. аффрикату [tʰ] — результат сращения произнесения лапратурный звук [t] на месте родного [ʃ].

реход представлял собой не фонетическое изменение звуков (эволюцию), а фонетическую замену (субституцию). «Суть дела заключается в том, — пишет А. Р. Зиндер, — что при „переходе“ *e* в *o* не было никакого звукового изменения; была лишь замена в некоторых случаях одной фонемы другой, уже существовавшей в языке. Естественно поэтому, что поиски фонетического механизма такого „перехода“ бесплодны. Вместо этого следовало бы изучать те связи, которые существовали в древнерусском языке между фонемами „e“ и „o“. А такие связи действительно имели место и выражались в сохранившемся до нашего времени общепринятом европейском чередовании по абалуту: ср., например: *беру* — *набор*, *лесту* — *лест*, *бреду* — *брод* и т. п. Может быть, это чередование неудачного *e* с ударенным *o* и было перенесено на все аналогичные по фонетическому положению случаи» [Зиндер 1960, с. 261—262].

Фонетическая замена «проникает вслестствие единственной подстановки одного звука вместо другого» [Зиндер 1960, с. 258]. В этом случае всегда выступают только два звука: старый и новый. Если же вместо одного, «старого», звука может употребляться целый ряд близких звуков, которые можно выстроить в цепочку, где рядом стоящие звуки отличаются друг от друга в минимальной степени, то тогда мы будем иметь дело не с фонетической заменой, а с фонетическим изменением. Так обстоит дело с переходом *e* в *o* в говоре с. Кожухова⁸⁴.

⁸⁴ Первая публикация — [Касаткина 1973, с. 63—74].